

ДМИТРИЙ
МЕРЕЖКОВСКИЙ

ЛИЦА
КАЛЬВИН

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский Д.

М52 Лица. Кальвин / Д. Мережковский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 184 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-73106-5

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Дмитрия Мережковского «Лица. Кальвин».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

I. КАЛЬВИН И ЛЮТЕР	5
II. ЖИЗНЬ КАЛЬВИНА.....	41
III. ЧТО СДЕЛАЛ КАЛЬВИН?	172

І. КАЛЬВИН И ЛЮТЕР

І

«Если бы даже он назвал меня дьяволом, я все-таки почтил бы его как великого слугу Божьего», — говорит Кальвин. «Я радуюсь тому, что Бог посылает нам таких людей, как он, чтобы нанести папству последний удар и кончить с Божьей помощью то, что я начал делать против Антихриста», — говорит Лютер о Кальвине. Судя по таким отзывам, они любят друг друга, как братья. Но есть и другие отзывы.

«Он¹ грешит не только гордыней и злоречием, но и невежеством и гнуснейшими суевериями», — пишет Кальвин ученику Лютера, Мартину Бucerу (Bucer), в 1538 году, и в 1540 году — другому ученику его, Филиппу Меланхтону: «Ты жалуешься на вспыльчивость и слепую нетерпимость Лютера, но не должны ли эти недостатки его день ото дня усиливаться, если все дрожат перед ним и уступают ему во всем?»

Лютер не обманывается добрыми о нем отзывами Кальвина: «Я надеюсь, что он будет некогда лучше думать о нас». Это значит: «Думает обо мне сейчас нехорошо». Так же не обманывается и Кальвин добрыми о нем отзывами Лютера; знает, что бывают такие минуты, когда он считает его «дьяволом».

Кальвин и Лютер — два сросшихся и вечно враждующих близнеца — Авель и Каин. Может быть, они хотели бы убить друг друга, но срослись спинами так, что

¹ Лютер.

не только друг друга убить, но и в лицо увидеть друг друга не могут.

II

«Кальвин спас дело Лютера», — утверждают ученики Кальвина. Но спас или погубил — это еще большой вопрос. Кальвин и Лютер противоположны и взаимно-диаметральны: Кальвин — Лютер в действии, а Лютер — Кальвин в созерцании. Может быть, в этом не случай, а «Предопределение» Реформы.

Кальвин пришел на готовое. «Я рожден для того, чтобы бороться с бесчисленным множеством чудовищ и демонов, — говорит Лютер. — Мне нужно выкорчевывать деревья, выворачивать камни, пролагая новые пути в диких чащах лесных». Кальвин пойдет по этому расчищенному Лютером пути.

«Истинный глава Церкви — не Папа, а Христос», — в этом Кальвин повторяет Лютера с точностью, но дальше не идет. Повторяет и ошибку его: «Папа — Антихрист». Но в устах Кальвина это уже пустые, не только для Рима, но и для самой Женевы не страшные слова.

Лютер подчиняет Церковь государству. Если бы это так и осталось, то когда государство отпало от христианства и сделалось, как в наши дни, языческим или даже антихристианским, то самое понятие Церкви исчезло бы с лица земли. Кальвин, как думают ученики его, утвердил самостоятельное, от государства независимое и даже господствующее над ним бытие Церкви и этим ее будто бы спас.

Лютер отказался от видимой Вселенской Церкви; Кальвин ее утвердил. «Церковь есть общество предопределенных к спасению, избранных, *praedestinati*, *electi*... достигающих Царствия Небесного через видимую Церковь». У Лютера, в конце концов, дело спасения только личного, все еще «монашество»; у Кальвина будто бы от начала до конца — дело спасения личного и общего вместе. Нет никакого сомнения, что сделать это Кальвин хотел, но сделал ли — это опять-таки еще большим вопросом.

Кровью не исходит сердце Кальвина от разрыва с Римской Церковью, как сердце Лютера, и в этой ожесточенной, окаменелой сухости сердца Кальвин дальше от Вселенской Церкви, чем Лютер. «Я тоскую, как дитя, покинутое матерью», — этого Кальвин не мог бы сказать вместе с Лютером о бывшей Римской Церкви, а значит, и о будущей Вселенской. «Мы¹ предлагаем вам² сделать все, что нужно для восстановления мира в Церкви», — Кальвин не мог бы сказать и этого, ни даже почувствовать, вместе с Лютером. Лютер — «ходатай», «молитвенник» за Римскую Церковь, но не Кальвин. «Никакие заблуждения Римской Церкви не дают нам права от нее отделиться, ибо она есть Церковь Апостолов и Мучеников», — говорит Лютер в самом начале дела своего, а в самом конце его, в Аугсбургском Исповедании, скажет Меланхтон, ближайший ученик Лютера: «Мы будем верны Христу и Римской Церкви до по-

¹ Протестанты.

² Католикам.

следнего вздоха». Кальвин не мог бы и этого сказать, ни даже почувствовать вместе с Меланхтоном и Лютером.

«Надо быть в Римской Церкви, чтобы спастись; надо уйти из Римской Церкви, чтобы спастись», — этой терзающей антиномии, необходимой для того, чтобы войти в будущую Вселенскую Церковь, Кальвин совсем не знает.

III

Бешеными конями Лютера уносимую телегу Реформации Кальвин затормозит на самом краю пропасти — Революции. Буйство Лютера — *furor teutoniens* — Кальвин утишит и усмирит.

О глубокой, метафизической противоположности двух религиозных опытов — Лютера и Кальвина — лучше всего можно судить по отзывам о книге Иоганна Таулера «Германское Богословие», «*Theologia Germanica*». «К милости призывает Таулер великих мира сего, а народ — к свободе». Это главное для Лютера — то, что делает книгу эту «равной Святому Писанию», а для Кальвина это «чума» и «смертельный яд». Именно здесь, в религиозном опыте свободы и Закона, главная причина убийственной вражды между двумя сросшимися близнецами — Лютером и Кальвином — Авелем и Каином. Но сами они этого не сознают. Главная движущая сила Лютера — «согласная противоположность», антиномия Закона в Отце и Свободы в Сыне — не существует для Кальвина.

Воля к народности у Лютера, а у Кальвина — к всемирности. Кальвин первый освободит Реформу от того

исключительного духа германской народности, которым вся она пропитана у Лютера.

«Я для моих немцев рожден; им и хочу послужить», — говорит Лютер, а Кальвин ему отвечает: «Главное, что мы должны помнить и к чему должны стремиться, — к Богу привлекать все народы земли, чтобы они единодушно поклонялись и служили Ему».

Против начинающегося и все растущего умножения и раздробления Церквей Лютер бессилен, а Кальвин силен или, по крайней мере, хочет быть сильным. Воля его ко всемирности и есть воля к единству.

IV

Может быть, одновременность двух Реформ — одной вне католической Церкви, другой — внутри — тоже не случай, а «Предопределение». «Общество Иисуса», «*Compañia de Jesús*», утверждено папою Павлом III в 1540 году, в самый канун Женевской Теократии. Вообще все дело св. Игнатия Лойолы — как бы «предопределенный», *providentialis*, ответ на дело Кальвина — эхо, повторяющее внешние гулы мира под внутренним куполом Рима.

Если в одном, более внешнем, историческом порядке два сросшихся и вечно враждующих близнеца — Кальвин и Лютер, то в другом, более внутреннем, религиозном порядке два таких же близнеца — Кальвин и Лойола. Три глубокие воли соединяют их, скрещивают. Первая воля — к спасению не только личному, но и общему. «Я не хотел бы умереть сейчас, если бы даже был уверен в вечном блаженстве, — говорит Лойола учени-

ку своему, Лайнецу. — Я хотел бы раньше закончить дело мое». Это мог бы сказать и Кальвин, а Лютер не мог бы. Благочестие Кальвина так же, как Лойолы, есть подвиг воина, готового сражаться, страдать и умереть за «славу Божию». *Soli Deo gloria*, «Богу единому слава», — у Кальвина; «К наибольшей славе Божьей», *Ad maiorem Dei gloriam*, — у Лойолы. Оба они произносят эти два слова — *Gloria Dei* — одинаковым, благоговейно трепетным голосом. «Слава Божия» значит для обоих «Царство Божие» не только на небе, но и на земле. «Церковь Воинствующая», *Ecclesia militans*, — большая для них обоих действительность, чем «Церковь Торжествующая», *Ecclesia triumphans*, Иисус для Лойолы, в «Духовных упражнениях», не столько Царь Небесный, как Полководец Христов. «Помните всегда, что вы — солдаты в войске Христовом и что вы дадите ответ вашему Военачальнику в том, как вы исполните ваше святое призвание». Это говорит ученикам своим Кальвин; то же мог бы сказать и Лойола. Каждый человек для них обоих — воин, сражающийся в одном из двух вечных станов — Бога или дьявола. Но «Промысел» не Божий (есть, увы, и такой) заключается в том, что эти два войска — одно, идущее за Кальвином, а другое — за Лойолой, — вместо того чтобы соединиться против общего врага, будут сражаться и друг друга истреблять во славу не Бога, а дьявола.

Кажется иногда, что эти два великих полководца, Кальвин и Лойола, посланы в мир «дьявольским Промыслом», «Предопределением», *praedestinatio diaboli*, для наибольшего разделения, разделения Церкви,